

Вчерашние слова Юй Чэнсуна оказались правдой — за первые три урока Инь Гу не увидел соседа, только листы А4 на парте, исписанные названиями закусок, молча напоминали о его существовании.

Учителя математики, химии и английского спрашивали, почему отсутствует сосед Цянь Сяюя, но никто не поинтересовался, куда делся Юй Чэнсун.

Инь Гу не знал, восхищаться ли свободой соседа приходить и уходить когда вздумается, или удивляться, что же он натворил, раз учителя дружно махнули рукой.

На четвёртом уроке наконец спросили — физика у классного руководителя.

Лао Ли вошёл с неизменным термосом и улыбкой, обернулся, увидел пустое место рядом с Инь Гу — улыбка мгновенно испарилась, голос сорвался от изумления:

— Юй Чэнсун не пришёл?!

От недоверия в голосе Лао Ли казалось, будто его сосед — примерный ученик, никогда не опаздывающий и не уходящий раньше, а тут вдруг прогулял, потрясая всю семью учителя.

Взгляд Лао Ли упал на Инь Гу — в глазах крупными буквами светилось "ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?", словно за прогул Юй Чэнсуна отвечал именно он.

Но отвечать он не собирался.

Вчера вечером Юй Чэнсун ничего не объяснял, сейчас любой ответ мог оказаться ошибкой. К тому же, с его характером такое наверняка случается часто — должен быть кто-то, прикрывающий его.

И точно — Цянь Сяюй поднял руку, с непонятной гордостью выпалив:

— Брат Сун простудился!

Инь Гу сдержал смех — настоящая банда.

"Простудился... скорее, молочным чаем опьянел и не встал".

Но больше удивило, что Лао Ли поверил в эту заезженную отговорку.

— И даже не позвонил предупредить... Наверное, весь день не придёт. Хоть лекарства принял? После урока кто-нибудь может с ним связаться... — Лао Ли не договорил — Цянь Сяюй перебил.

Снова подняв руку, он серьёзно сообщил:

— Брат Сун сказал, что принял.

Инь Гу: — Пфф...

"Знал бы твой брат Сун, какой ты храбрый — вчера бы меня попросил прикрыть".

— Ладно... — Лао Ли помедлил. — В следующий раз сначала звоните мне, не прогуливайте тайком. Попадётесь завучу Ханю — вызовет родителей... Начнём урок, достаньте вчерашние задачи, мы остановились на...

Юй Чэнсун встал ни свет ни заря — из-за безсахарного зелёного чая мать бушевала до полуночи, обвиняя в попытке убийства, Юй Чэнди рыдал, закрыв голову руками. По доброте душевной он забрал жалкого идиота к себе в комнату, но тот не спал-не спал, а как уснул — словно электрическая зубная щётка включилась, всю ночь скрежетал зубами.

В голове до сих пор крутилось "скрип-скрип-скрип-скрип".

Поднимаясь по лестнице, он массировал виски. Ночь без сна, с утра пораньше драка — всё тело ломит, в голове будто перфоратор.

Настроение — дрянь, полная дрянь.

Почему его определили в шестнадцатый? Почему шестнадцатый на четвёртом этаже? Почему нужно учиться? Почему нужно драться? Почему, почему, почему?

В плохом настроении он превращался в книгу "Сто тысяч почему".

Твою мать.

— Слушай, шёл бы домой спать. Глянь на себя в фронталку, — Чжоу Чжэюй сунул телефон ему под нос. — Вылитый несчастный отец на восьмом месяце, недоношенный и без декрета, ай-яй-яй.

Юй Чэнсун прищурился на экран — раздражённую физиономию можно было описать одной ёмкой фразой: "ебись_оно_конём".

— Это ты на восьмом месяце родился? — он отпихнул телефон. — Разве не из спермы вылез? Что, заинтересовался маткой и влагалищем?

— Блин, какой ты пошлый, — Чжоу Чжэюй закрыл лицо. — Обожаю.

У дверей класса они разделились — Чжоу Чжэюй через переднюю, Юй Чэнсун через заднюю.

— Извините, учитель, живот прихватило! — объяснил Чжоу Чжэюй с порога.

Лао Ли махнул рукой, впуская его, и оглянулся назад:

— Юй Чэнсун, простуда прошла?

Юй Чэнсун мрачно отодвинул стул, плюхнулся, не поднимая головы:

— При смерти. Решил сдохнуть в школе, чтоб вам три выходных дали.

— Ох уж ты... Зайдите после урока в кабинет, дам вам лекарства, — сказал Лао Ли.

— Лао Ли, вы сегодня особенно прекрасны! — Чжоу Чжэюй захлопал в ладоши.

Юй Чэнсун снял куртку, расстелил на парте и рухнул спать.

На уроке Лао Ли в классе тихо, но спалось всё равно паршиво.

Во сне толпа электрических щёток обрела разум и окружила его: "скрип-скрип-скрип-скрип". Даже восьми голов не хватило бы, чтобы взорваться, но тут он уловил аромат... солодовый... нет, сливочный.

С трудом разлепил глаза — не заметил, как из лежачего положения перевернулся на бок, надеюсь, на лице нет отпечатков... Взгляд из мутного стал чётким: профиль Инь Гу и маття-рулет в его руке.

— Добрый день, — увидев, что он проснулся, Инь Гу открыл бутылку воды и поставил на парту.
— Ночью не спал?

Юй Чэнсун нахмурился, соображая. Поразглядывал его, потом потёр шею и сел — суставы захрустели, как перед оборотнической трансформацией.

Раздражённо взъерошил волосы, небрежно откинул чёлку и собрал чёрной резинкой хвост на затылке. Только потом хрипло отозвался:

— Какое "не спал", всю ночь глаз не сомкнул, твою мать.

Инь Гу смотрел на хвост и наконец полностью открытое лицо — красивое до наглости — молча.

Юй Чэнсун схватил воду, осушил полбутылки, мозги немного прояснились:

— Где купил?

Инь Гу замешкался:

— Рулет.

— Доставка, магазин "Довольно вкусно", — пояснил Инь Гу.

— Сколько? Я куп... — начал Юй Чэнсун.

— Не продаётся, — улыбнулся Инь Гу.

— Послушай, хороший мальчик, мне сейчас очень хочется подраться, не испытывай моё терпение, — Юй Чэнсун откинулся на стуле, мотнул головой и достал телефон. Больше десяти

непрочитанных — ни малейшего желания открывать.

— Правда не продаётся, соседям по парте бесплатно, — Инь Гу пододвинул обе коробки. — Настроение такое плохое?

— Хоть на луну вой, — Юй Чэнсун взял одну коробку, вторую вернул. — Спасибо, завтра угощу чем-нибудь вкусным.

— Опять дрался? — спросил Инь Гу.

Юй Чэнсун глянул на него, промолчал.

— Раны на лице заметнее вчерашних царапин. Точно не хочешь сходить в медпункт? Я провожу, — Инь Гу подпёр подбородок, глядя с убедительной заботой.

— Бросай школу, правда, — Юй Чэнсун открыл коробку, сладкий сливочный аромат заставил блаженно вздохнуть. Кто изобрёл крем — дать медаль и кусок резины в придачу. — С таким упорством не страховки продавать — талант зарывать. Дам совет — иди в медстраховки, с голоду не помрёшь.

— По-моему, останется шрам, — заметил Инь Гу.

— По-моему, тебе заняться нечем, — Юй Чэнсун откусил рулет. Маття с бобами адзуки — божественно.

— Ты что, страшный? — спросил Инь Гу.

— Врежу ведь, — Юй Чэнсун зыркнул на него. Вчера не заметил — Инь Гу ещё и флиртовать мастер. — Совет от соседа: плохое зрение лечи сразу, такси до городской больницы — двадцать юаней, больше — левак. Не благодари, зови папочкой.

Инь Гу и не думал пугаться, улыбнулся ещё шире:

— Со шрамом будешь страшный.

Его раскосые глаза от природы наполовину прикрыты веками — даже без улыбки казалось, что улыбается. А уж когда специально... У Юй Чэнсуна кулаки зачесались врезать по этой физиономии.

— Твою мать, хочешь — ешь, только не зудь над ухом, юный падаван, — Юй Чэнсун машинально потрогал рану на лице. Порез ножом, сразу не заметил, теперь саднит.

Инь Гу его заразил — тоже забеспокоился.

"Правда шрам останется? С моим-то божественно красивым лицом..."

Инь Гу подкинул последнюю соломинку на чашу весов, уголки губ изогнулись:

— Не останется — буду звать папочкой.

Юй Чэнсун: "..."

"Чёрт, так серьёзно? Почти поверил".

<http://bllate.org/book/13360/1187984>